

ДОВЕРИЕ К ЗНАНИЮ ВО ВСЕМИРНОМ ОБЩЕСТВЕ РИСКА

СЕРГЕЙ КРАВЧЕНКО

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Институт социологии РАН, Москва, Россия

Резюме

В статье исследуются вызовы научному знанию, возникающие в процессе становления качественно новых нелинейно развивающихся социальных реалий, которым сопутствуют глобальные риски. Социальные и культурные факторы зарождения доверия, его развитие в контексте усложнения рисков демонстрируются в контексте критического анализа формально-логического, субъектно-психологического и культурологического подходов к интерпретации рисков. Рассматриваются вызовы доверию к знанию о рисках, что обусловлено становлением общества риска. Показывается связь утраты доверия с уязвимостями теоретического монизма. Автор анализирует последствия перехода от возникновения общества рисков на национальном уровне к мировому обществу рисков, в котором вызовы приобретают глобальный характер и возрастает проблема инсценирования угроз. Ответ на вызовы доверию к научному знанию о рисках автор, вслед за У. Бекком, видит в переходе к космополитической методологии, позволяющей с помощью новой критической теории сформировать валидные представления о природе новых рисков. Детально показываются возможности нового теоретико-методологического инструментария, предполагающего интеграцию социального и естественно-научного знания для анализа возникающих рискогенных реалий. При этом автор выступает за расширение междисциплинарного подхода, предлагая включение в него и достижений гуманитарного знания. Это позволит начать движение к становлению сложного доверия ко всем типам знания, что представляется крайне важным для формирования адекватного восприятия риска.

Ключевые слова:

доверие; риски; рискологический поворот; инсценированные риски; научное знание; научное незнание; общество риска; рефлексивная современность.

Проблемы доверия к научному знанию о рисках во многом обусловлены характером *рефлексии* различных социальных групп и особенно представителей науки. Исследователям свойствен критический подход в логике *организованного скептицизма*, обоснованный Р. Мертоном. «Наука как будто бросает вызов “удобным властным допущениям”, просто подчиняя их беспристрастному анализу, — отмечал он. — Организованный скептицизм содержит в себе скрытое сомнение в некоторых основаниях установленной рутины, вла-

сти, принятых процедур и сферы “сакрального” вообще... независимо от того, идет ли речь о сакральной сфере политических убеждений, религиозной веры или экономических прав, научный исследователь не ведет себя предписанным некритическим и ритуалистическим образом» [Мертон 2000: 165–166].

Благодаря организованному скептицизму, социология и другие социальные науки оказались способны осознать *ограниченность* своего знания. *Относительность доверия* к научному знанию стимулировала пе-

риодический переход от одной признанной парадигмы к другой, более валидной. Этот процесс, включавший и эволюционные, и революционные периоды развития знания, сохранял, тем не менее, доверие к науке как таковой. Подобная традиция сциентистского взгляда на действительность уходит корнями в эпоху Просвещения. Сегодня под воздействием ускоряющейся и усложняющейся социальной и культурной динамики, проявляющейся в травмах социо-природной реальности на глобальном уровне, происходит возникновение сложных рисков нового поколения. Нормой становятся *разрывы* и *дисперсии* в знании, *точки бифуркации* в его развитии [Степин 1987: 36–76], что порождает ранее отсутствовавшие проблемы доверия к научному познанию.

В ответ на возникшие неопределенности в конце прошлого столетия институционализировалась рискология как самостоятельная область исследования. Наметился *рискологический поворот*, суть которого – рефлексия *практически всего* социального и в значительной степени естественно-научного знания относительно неопределенностей общественного развития. При этом меняются представления о самой природе риска: «Нас стало беспокоить не столько то, что может сделать с нами природа, сколько то, что мы можем сделать с ней. Это, – отмечает Э. Гидденс, – поворотный момент от преобладания внешнего риска к господству рукотворного» [Гидденс 2004: 43]. Между тем рукотворные риски все чаще обретают глобальный характер.

1

Понятие риска как социально значимого явления возникло в результате индустриальной модернизации. Его проявления были *локализованы в пространстве и времени*. Можно было сравнительно легко обнаружить их источник, причину, определить временные параметры потенциального ущерба. Появившиеся *относительно простые* по своей природе риски *укрепляли доверие к научному знанию* – предотвращение ущерба виделось в профессионализ-

ме ученых, их открытиях, истинности и всеисильности науки. Для интерпретации рисков использовалось математическое, экономико-социальное, статистическое, а затем и психологическое познание.

Впервые проблему рационального и эффективного управления рисками и неопределенностями поднял американский экономист Ф. Найт. С его точки зрения, рациональный индивид ориентируется на формальную логику и математические исчисления, статистические данные, а также оценочные суждения, адекватные объективной реальности. Это позволяет создать *валидный механизм управления рисками*. «Неопределенность, – пишет он, – которая каким-либо методом может быть сведена к объективной, количественно измеряемой вероятности, может быть совершенно устранена с помощью группировки случаев. В деловом мире разработаны некоторые организационные приемы для осуществления такой группировки, и в итоге при достаточно развитой технике организации бизнеса доступная измерению неопределенность не создает в деловой сфере подлинной неопределенности» [Найт 1994: 26]. Данный подход, в частности, способствовал *институционализации страхования* как научной дисциплины и социальной практики.

Однако его слабости и ограничения проявлялись все более рельефно, ибо принципы формальной рациональности далеко не всегда соотносились с психологией реальных людей. Французский ученый, лауреат Нобелевской премии по экономике М. Алле, подвергнув критике формально-логические постулаты Найта, предложил *субъектно-психологический подход к рискам*, точнее, к *восприятию опасностей* и неопределенностей в контексте шансов на успех или на неудачу. «Некоторые люди, верящие в свою счастливую звезду, – заявлял он, – недооценивают вероятность неблагоприятных для них событий и переоценивают благоприятных. Обратное верно для людей, которые считают, что в жизни их преследуют неудачи... нет никакого основания полагать, что субъективные вероятности

должны быть равны вероятностям объективным» [Алле 1994: 219].

Несмотря на существенные различия в теоретико-методологическом инструментарии, эти два подхода объединяет опора на изучение относительно простых рисков, затрагивающих судьбу *отдельно взятых индивидов и конкретных социальных групп*. Возникший на их основе организованный скептицизм стимулировал ученых на поиск *социетальных* факторов, влияющих на характер рисков и их восприятие.

В противовес им М. Дуглас, британский антрополог и социолог, привела доводы в пользу «*культурной теории риска*» [Douglas, Wildavsky 1982]. В самом общем виде она сводится к следующему положению. *Во-первых*, понятие риска превратилось в центральную культурную конструкцию, расположенную между «личным, субъективным мнением и общественной материальной наукой» [Douglas 1982: 194]. *Во-вторых*, характер рисков следует изучать в *историческом преломлении*, учитывая при этом непрерывную связь между культурой *любого периода* человеческой истории и современной культурой: хотя наши технологии являются новыми, человечество, утверждает она, всегда притягивало к себе катастрофы, сталкиваясь с неопределенностью будущего [Douglas, Wildavsky 1982: 33]. *В-третьих*, Дуглас одна из первых подняла вопрос о том, что существующие наивные модели рисков плохо совместимы с современным положением, когда негативные аспекты индустриализации – например, экологические катастрофы – начинают превосходить по своим последствиям позитивные.

Эти разработки стимулировали становление иного взгляда на знание. Если в иерархической культуре люди «обычно думали, что всякий предмет знания определен либо как истинный, либо как ложный», то ныне мы находимся под властью культуры, когда «соревнование между истиной и ложью продолжается; знание приходится защищать в каждом пункте; открытое общество ничего не гарантирует. Каждый тип культуры опирается на свою установку по отношению к знанию» [Дуглас 1994: 251].

В-четвертых, конкуренция старого и нового знания с неизбежностью порождает не порядок и определенность (на что рассчитывает здравый смысл), а, напротив, новые, более сложные неопределенности и риски: «Доверие к своему старому знанию – фирменный знак иерархии... Новое знание волей-неволей должно дискредитировать старое знание. Очень хорошо осознавая, почему мы хотим нового знания, мы не должны удивляться неопределенности, которая наступила из-за этого» [Дуглас 1994: 251]. Наконец, *в-пятых*, при изучении рисков следует уделять внимание тому, кто ответствен за них – нельзя осмыслить восприятие риска без систематического учета культурных предассудков, влияющих на характер знания о них. Люди переносят вину за свои неприятности на тех, кого они обвиняют в покушении на ведомый ими образ жизни [Douglas, Wildavsky 1982: 102]. Соответственно, восприятие риска имеет социально-политическое основание, поэтому обсуждения рисков с неизбежностью превращаются в дебаты о политике, выходя в конечном счете на проблему вины того или иного социального агента [Douglas 1992].

Даже беглый экскурс в историю знания о рисках свидетельствует о ее сложной эволюции. Если формально-логический и субъектно-психологический подходы основывались на доверии к научному знанию, то культурологический подход отличается релятивизмом и скептицизмом. М. Дуглас ведет речь не о дополнении и совершенствовании теоретико-методологического инструментария, интерпретирующего риски, а о его культурной обусловленности и политической ангажированности, что по меньшей мере формирует скептицизм относительно самой возможности универсального знания о рисках.

2

Первый существенный вызов доверию научному знанию связан со становлением *общества риска* [Кравченко 2016]. В конце прошлого столетия возникает ситуация, по метафорическому выражению Э. Гидденса, «ускользающего мира» и, соответственно,

догоняющих теорий, которые сделали акцент на исследовании усложняющихся рисков и неопределенностей, пришедших в нашу жизнь. Для их анализа теоретико-методологического инструментария одной науки было уже недостаточно, и ученые обратились к достижениям других исследовательских дисциплин, ратуя за их *синтез*. Так сформировался *рискологический поворот*, использующий *интегральные трактовки* рисков в контексте отношений человека, общества и природы, живого и неживого.

Немецкий социолог У. Бек выступил пионером в создании интегральной междисциплинарной теории *общества риска* [Бек 2000]. В основу ее методологии были положены идеи о *недетерминизме и нелинейном развитии*. Социолог подчеркивал, что тот, кто «все ещё находится в плену мифа о линейности и разделяет тезис о культурной конвергенции как непосредственном следствии экономической унификации, — попросту невежественный человек» [Бек 2001: 213].

Из его методологических ориентаций также следует, что современные риски в принципе отличаются от вызовов индустриального общества тем, что они имеют *нелинейные временные координаты* — детерминированы не прошлыми социальными фактами, а связаны с опасностями *настоящего и будущего*. «Общество риска, — пишет он, — подразумевает, что прошлое теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место — как причина нынешней жизни и деятельности — приходит будущее, то есть нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное. Когда мы говорим о рисках, мы спорим о чем-то, чего нет, но что могло бы произойти, если *сейчас* немедленно не переложить руль в противоположном направлении» [Бек 2001: 175–176]. Если прежние методологии были основаны на *принудительной каузальности*, то ныне они должны быть заменены методологиями, ориентированными на выявление *сложной причинности*.

К прежним методологиям утрачивается доверие в силу их *теоретического минимизма*. По мнению Бека, в социологии утверди-

лись два основных подхода к анализу рисков. Первый — *естественно-научный объективизм*, весьма плодотворный за счет использования инструментария *наблюдений, измерений и вычислений*. Последние позволяют получить достаточно валидные выводы о сути наблюдаемых рисков. Вместе с тем сторонники этого подхода стремились установить жесткие корреляции между переменными, которые в условиях усложняющейся динамики социума в принципе отсутствуют или не очевидны. Кроме того, акцент на объективности ведет к умалению социального и культурного контекстов рисков.

Второй подход — *конструктивистский*, основанный на культурном релятивизме. Он позволяет исследовать *контекстуальные аспекты* риска, затрагивающие разные социальные группы. Между тем он не учитывает объективные реалии, в силу чего «невозможно понять, обострились ли риски сами по себе, или обострился наш взгляд на них» [Бек 2000: 67].

Восстановить доверие к научному знанию Бек пытается с помощью концепции *«риск как знание»*, предполагающей синтез обоих подходов в интегральную социологическую парадигму [Beck 1995: 76], а также их интерпретации в контексте динамики самого знания: «риски — это риски в знании» [Бек 2000: 67]. По мнению ученого, *квинтэссенция* понимания современных вызовов состоит в признании того, что ныне утверждаются *сложные риски новой генерации*, становящиеся *побочными эффектами* современной науки и более конкретно — *новейших технологий*. «Они в общем и целом продукт передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут *постоянно* усиливаться» [Бек 2000: 24].

Данные риски возникают на «самой высокой ступени развития производительных сил», латентны, имеют дело с *веществами, недоступными для восприятия органами чувств*, но их негативный эффект сказывается на растениях, животных, человеке. Они имеют *долговременные*, порой, *отложенные во времени последствия и обретают*

глобальный характер. В частности, северные страны Европы, сами почти не обладающие промышленностью с ядовитыми отходами, расплачиваются умирающими лесами и растениями, вымирающими видами животных за производство всех индустриально развитых стран. Благополучие и развитых, и развивающихся стран обусловлено глобальным перемещением ядовитых веществ, не признающим национальных границ, и зависит от формирования и поддержания международных режимов [Бек 2000: 26]. Будучи недоступными для непосредственного наблюдения, эти вызовы проявляются «только в знании (научном или антинаучном) о них» и в силу его динамики «могут меняться, уменьшаться или увеличиваться, драматизироваться или недооцениваться» [Бек 2000: 25]. Ими уже нельзя управлять *только* с помощью формальной рациональности, прагматических подходов, новейшего знания, более совершенных технологий, ибо они выступают производными последних.

Ответ на возникшие вызовы доверию научному знанию У. Бек видит в *переоткрытии* самого соотношения бытия и сознания, что предполагает иную методологию: «В классовых обществах бытие определяет сознание, в то время как в обществе риска сознание определяет бытие» [Бек 2000: 26]. Исходя из этого, социолог акцентирует возрастающую роль знания о рисках, видя в нем фактор, определяющий, в каком обществе мы живем и будем жить. По его мнению, существенным изъяном современного познания становится «*организованная безответственность*», которая отражает сложившийся парадокс. С одной стороны, ускоряется процесс деградации природной среды, что стимулирует принятие все новых законов о ее защите. С другой – ни индивиды, ни институты непосредственно *не отвечают* за происходящее. Восприятие современных рисков своими корнями уходит в более раннюю и качественно другую эпоху индустриального общества, в котором доминировали представления о том, что «человек – покоритель и хозяин природы», имеющий право на её «эксплуатацию».

Сложившийся парадокс имеет два взаимосвязанных следствия: сами *риски обострились*, и изменилось *их восприятие обществом*. С помощью меняющегося знания создаются новые потребности, включая стремление к избеганию вызовов. В результате, возникают и новые рынки рисков. Общество способствует зарождению *самовоспроизводящихся* вызовов: «Развитое индустриальное общество “кормится” рисками, которые оно производит, и таким образом создает опасные социальные ситуации и политические потенциалы, ставящие под сомнение основы проводившейся до сих пор модернизации» [Бек 2000: 69]. В результате демократическая система «оказывается перед худым выбором: или оказаться несостоятельной перед лицом систематически производимых опасностей, или под натиском авторитарных дисциплинарно-государственных “опорных точек” аннулировать основные демократические принципы» [Бек 2000: 97]. Изменить положение дел можно лишь с переходом к принципиально *иному вектору развития знания о рисках*. Нынешний же не заслуживает доверия в силу производства угроз и для демократии, и для самого общества.

Нельзя убежать от реалей общества риска, ибо новые вызовы становятся неотъемлемым аспектом принадлежности прогрессу [Бек 2000: 55]. Вместе с тем современное общество производит не только риски, но и *особую рефлексивность в их отношении*, что делает возможным переход к знанию, *сочетающему научную и социальную рациональности*. «В дискуссиях о рисках, – отмечает социолог, – обнажаются трещины и разрывы между научной и социальной рациональностью... Несколько изменив известное высказывание, можно утверждать: научный рационализм без социального пуст, социальный без научного – *слеп*» [Бек, 2000: 34, 35]. Не только специализированные научные объединения, но *самые разные люди* как социальные агенты, обладающие рефлексивностью, начинают собирать информацию о рисках и их последствиях, формируя знание о них. В ходе этого процесса они перестают

доверять официальным структурам и даже ученым.

Социолог поставил под вопрос доверие к научному знанию вообще как высшей истине, отметив «*несостоятельность* научно-технической рациональности перед лицом растущих рисков... Это не несостоятельность отдельных ученых и дисциплин, она вытекает из системного институционального подхода науки к риску». В силу своей узкой специализации источники научного знания «не в состоянии адекватно реагировать на цивилизационные риски» [Бек 2000: 71]. Этим, по его мнению, обусловлена востребованность рефлексивности *всего* общества, что предполагает включение в сферу знания достижений научной и социальной рациональности.

У. Бек проявляет оптимизм относительно будущего человеческой цивилизации, будучи уверенными, что социум располагает возможностями к *самокритике* [Бек 2000: 271]. Она выражается в рефлексии людей относительно плана строительства своего будущего на предмет производства рукотворных рисков глобального характера. В то же время этот оптимизм сдержанный, ибо в реальной политике «нет ни единственного, ни «наилучшего» решения — их всегда несколько» [Beck 2007: 19]. Иными словами, самокритичность не панацея, а инструмент минимизации рисков принимаемых решений и формирования более валидного знания, которому можно доверять.

Э

Появление новой теории «*мирового общества риска*» обусловлено тем, что за сравнительно короткий исторический период (менее 30 лет) возникли принципиально новые реалии, которые уже нельзя интерпретировать с позиций прежних работ. Условия существования человечества *стали космополитизироваться*, что формирует побочные эффекты глобальной торговли или глобальных угроз, включая изменение климата, терроризм, финансовые кризисы. «Моя жизнь, мое тело, мое “индивидуальное существование” становятся частью другого мира, иностранных культур, рели-

гий, историй и глобальных взаимозависимостей без моего осознания или выраженного тому желания» [Beck 2007: 19].

В новых условиях стираются различия между группами стран. Прежнее разделение Первого, Второго и Третьего миров теряет значение, как и другие попытки выделения макрообъединений и их противопоставления друг другу [Beck 2007a: 107]. Утверждается «политика побочных эффектов, означающая форму “*доминирования никем*”. “*Никто*” осуществляет политику» [Beck 2007a: 117], что означает производство принципиально *новых вызовов анонимного толка*. В политику пришли *негосударственные* коллективные и индивидуальные субъекты. При этом принимаемые ими рискованные решения обретают *ветерриториальный и вневременной* характер, затрагивают функциональность всех цивилизаций.

Новое положение выходит за пределы ранее описанного им *общества риска*, так как «глобальный риск есть *инсценирование реальности* глобального риска... Немного преувеличивая, можно сказать: не сам террористический акт, а глобальное инсценирование акта и политические ожидания, действия и реагирования в ответ на инсценирование — вот то, что разрушает западные институты свободы и демократии. Ограничение индивидуальных свобод заметно на многих уровнях — от увеличения числа камер слежения до ограничений иммиграции». Подобные нововведения выступают не просто реакцией на реальные катастрофы (в том числе акты террористического насилия). Они становятся результатом регулярных практик и *их глобализированного ожидания* [Beck 2010: 10]. Подобное явление, как правило, не предполагает намеренную фальсификацию, хотя это в принципе не исключается.

Социолог конкретизирует природу *новых вызовов*, которые обретают три характерные черты. *Во-первых*, они делокализируются (их причины и последствия не ограничены одним географическим пространством). *Во-вторых*, современные риски — не исчисляемы, ибо включают «*гипотетические*» вызовы, связанные с высо-

ким уровнем неопределенности. *В-третьих*, для них характерна невозможность компенсации последствий затратами ресурсов из иной сферы – никакими деньгами нельзя восполнить необратимые климатические изменения или генетическое воздействие на природу человека [Beck 2010: 52].

Сам приход в современную жизнь рисков, затрагивающих цивилизационные основы существования человечества, – принципиально новый вызов доверию к знанию, ибо ни одна наука их не изучала. Более того, если в обществе риска в совокупное знание о рисках входило научное знание о них (наряду с социальным знанием), то ныне возрастает роль *научного незнания*. «Мировое общество риска является обществом незнания в самом прямом смысле. В противоположность доmodерновой эре оно не может быть преодолено бóльшим и лучшим знанием, бóльшей или лучшей наукой; скорее, как раз наоборот: оно – продукт бóльшей и лучшей науки. Незнание правит в мировом обществе риска. В частности, жить в среде созданного незнания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать» [Beck 2010: 115].

Для пояснения своей мысли У. Бек приводит пример взрыва ядерного реактора в Чернобыле, который сопровождался взрывом незнания, что привело к образованию «пост-Чернобыльского мира» [Beck 2010: 116]. В результате утверждается парадокс, сочетающий и необходимость, и трудность решений в контексте перспектив возникновения новых, сложных неопределенностей в будущем [Beck 2010: 117]. Научное незнание – это не отсутствие или несовершенство знания в обыденном понимании, а, напротив, качественно более высокое знание, предполагающее учет потенциальных неопределенностей в случае его дальнейшего развития и особенно материализации в виде технологических инноваций. Оно побуждает к переосмыслению доверия к имеющимся представлениям о рисках.

У. Бек отмечает приход в нашу жизнь невиданных ранее парадоксов с новыми глобальными рисками, которые также побуж-

дают иначе смотреть на доверие к социальным наукам с их *нынешними* методологическими основаниями. В частности, растущее распространение приобретает странный гибрид неправовой легитимной войны. Пример такого парадокса дает операция НАТО в Косове, оказавшаяся легитимной в глазах Запада, несмотря на то что велась она с нарушением международного права [Beck 2007: 120]. Еще один пример новых гибридных явлений – иракская война, которая содержит отложенные риски: «мы переживаем парадоксы политики военных угроз как средства утверждения глобального мира, ибо очевидно, насколько трудно выиграть мир после того, как была выиграна война, если последняя имеет бренд неправовой (не)легитимности» [Beck 2007: 129].

Парадокс проявляется и в том, что современные войны – отражение борьбы не между государствами, а против *инсценированных* глобальных угроз, затрагивающих все человечество. Войны в Ираке и Афганистане стали первыми в истории человечества олицетворениями рисков «глобально-внутренней политики», в которой все человечество принимало участие посредством масс-медиа. Эти войны не имели декларируемого начала или конца. Разграничение между войной и миром оказалось стертым как в пространстве, так и во времени [Beck 2007: 146]. Бек заключает: «Если космополитическое право не может быть установлено, то из этого следует отсутствие права вообще» [Beck 2007: 127]. Возможно, данное суждение слишком радикально, но парадоксы инсценированных рисков действительно пришли в нашу жизнь, и на сегодняшний день валидное знание о них отсутствует.

Привыкание к инсценированным рискам не проходит бесследно – оно ведет к изменениям привычных форм жизнедеятельности: «принцип активного доверия был заменен активным недоверием» [Beck 2007a: 90]. Ответом на возникающие вызовы, по мнению Бека, может стать только *весьма радикальный пересмотр* прежнего теоретико-методологического инструмента-

рия. Объективные реалии космополитизации потребовали принципиально новую *космополитическую методологию*, которая должна заменить собой прежний *национальный взгляд* на социум. «До сих пор он [методологический национализм] доминировал в социологии и других социальных науках, таких как история, политология, экономика, которые анализировали общества, исходя из допущения, что они национально структурированы. Результатом этого была система наций-государств и соответствующих национальных социологий, которые определяли их специфические общества в терминах и концепциях, ассоциировавшихся с нацией-государством» [Beck 2007: 2].

Космополитическая методология может предложить подходы к исследованию новых вызовов, среди которых доминируют инсценированные глобальные риски. Необходимо учесть, что в их производстве задействованы не только *сознательные*, но и *бессознательные факторы*, точнее, имеет место их усложняющееся сочетание. У. Бек использует категорию «*космополитизации в себе*» для акцентирования того, что этот процесс осуществляется на повседневном уровне и становится побочным эффектом *неосознанных решений* самых разных субъектов. Ей противопоставляется «*космополитизация для себя*» — концептуальный подход, *сознательно нацеленный на научную интерпретацию* новых рискогенных реалий. Его призвана выразить *новая критическая теория, основанная на космополитической методологии*.

По мнению У. Бека, ее потенциал можно определить с помощью следующей формулы: «*критика + различие между числом, уровнем и качеством государственных стратегий, открываемых космополитическим видением и закрываемых национальной перспективой*» [Beck 2007a: 251]. Кроме того, новая критическая теория — построена на самокритике. Она ориентирована на выявление противоречий и *побочных эффектов* современности, которая становится все более космополитической [Beck 2007a: 33]. На XVII Всемирном социологическом кон-

грессе У. Бек к этому добавил тезис о необходимости разработки космополитической теории климатических изменений [Beck 2010a]. Одним из ключевых для социолога становится тезис о том, что устоявшиеся границы «*между внутренней и внешней политикой* размываются» [Beck 2007a: 44]. Космополитизация способствует формированию новой транснациональной политики [Beck 2007a: 251], в которую вовлечены национально-глобальные движения, выполняющие роль мировых гражданских партий [Beck 2007a: 269].

Осознание фундаментального отличия новой глобальной действительности подразумевает реальную возможность апокалиптической сценария: «*Гибель человечества, саморазрушение людей как возможность человеческого действия* является новой реальностью привнесенной в мир высокотехнологической цивилизацией. Шок, вызванный от этой возможности, способен создать глобальный консенсус» [Beck 2007a: 252]. В этой связи важно преодолеть прежний национальный эгоизм, становящийся губительным [Beck 2007a: 9].

* * *

В необходимости перехода к космополитической методологии и критической теории У. Бек весьма категоричен: «*Космополитизация необратима... Зомбированная наука национального видения превращается в оторванную от действительности «национал-социальную» науку*» [Beck 2007a: 112].

Предложенная ученым новая критическая теория весьма *продуктивна* и в научном, и в социальном плане. Тем не менее можно и нужно усилить ее *гуманистическую направленность*, что важно не только для получения более валидного знания о рисках, но и для нахождения *гуманного* способа сосуществования с ними в контексте выбора будущего. В отличие от У. Бека, который междисциплинарность видит прежде всего в интеграции социального и естественнонаучного знания, необходимо исходить из того, что для более глубокой интерпретации новых сложных рисков и минимизации их последствий необходимо

включение в синтез также и *гуманитарного знания*. Его результатом явилась бы междисциплинарная *гуманистическая теория сложности* [Кравченко 2011: 11–18].

Такая интеграция научного знания позволила бы, с одной стороны, максимально учесть сложности социокультурной динамики, понять природу новых сложных рисков, а с другой – осуществить поиск и ут-

верждение *новых форм гуманизма*, включая *гуманистическую направленность* не только научной, но и любой деятельности людей. Речь не идет о возврате доверия к научному знанию в традиционном смысле существования оппозиции истины и лжи, а о становлении сложного доверия ко всем типам научного и социального знания, включая и научное незнание.

Список литературы

- Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска // Альманах THESIS, 1994. No. 5. – 230–233 с.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс–Традиция, 2000. – 383 с.
- Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс–Традиция, 2001. – 304 с.
- Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004. – 120 с.
- Дуглас М. Риск как судебный механизм // Альманах THESIS, 1994. No. 5. – 242–253 с.
- Кравченко С.А. Социология в движении к взаимодействию теоретико–методологических подходов // Социологические исследования, 2011. № 1. – 11–18 с.
- Кравченко С.А. Социология риска и безопасности. М.: Юрайт, 2016. – 302 с.
- Мертон Р. Наука и социальный порядок // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II. Вып. 2. – 191–207 с.
- Найт Ф. Понятия риска и неопределенности // Альманах THESIS, 1994. No. 5. – 12–28 с.
- Степин В.С. Научные революции как точки бифуркации в развитии знания // Научные революции в динамике культуры. Минск. 1987. – 36–76 с.
- Beck U. Cosmopolitan Version. Cambridge: Polity Press, 2007. – 216 p.
- Beck U. Ecological Politics in an Age of Risk. Cambridge: Polity Press, 1995. – 224 p.
- Beck U. Power in the Global Age. Cambridge: Polity Press, 2007 a. – 352 p.
- Beck U. Re–mapping Inequality and Power in the Age of Climate Change: The Emergence of ‘Cosmopolitan’ Risk Communities // Lecture at the ISA Congress of Sociology, 11–17 July, Gothenburg, Sweden, 2010a. – 1 p.
- Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. – 240 p.
- Douglas M. Essays in the Sociology of Perception. London: Routledge and Kegan Paul, 1982. 248 p.
- Douglas M., Wildavsky A.B. Risk and Culture: an Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkeley, CA: University of California Press, 1982. – 224 p.
- Douglas M. Risk and Blame: Essays in Cultural Theory. London: Routledge, 1992. – 336 p.

CONFIDENCE IN KNOWLEDGE IN A GLOBAL RISK SOCIETY

SERGEY KRAVCHENKO

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, 117218, Russian Federation

Abstract

The article discusses the challenges of trust to scientific knowledge which emerged in the qualitatively new nonlinear social realities that accompany global risks. The author analyzes the social and cultural origins of trust, its development in the context of complex risks, which are studied through formal-logical, subject-psychological and cultural approaches. We consider challengers to the trust in knowledge of risks that emerge in the realities of risk society. The lack of trust is explained by the dysfunctions and

vulnerabilities of theoretical monism. The author focuses in particular on the effects of the transition from risk society to global risk society in which staging global risks are becoming a new norm. The article uses the framework developed by the German sociologist Ulrich Beck to identify new approaches to risk and its perception. U. Beck sees the answer to the emerging challenges to the credibility of scientific knowledge in the cosmopolitan methodology which is institutionalized in a “new critical theory”, which gives rather valid interpretations of the nature of new risks. The article demonstrates the potential of the new theoretical and methodological instruments involving integration of social and natural sciences, to analyze the emerging risk realities. The author provides his perspective on the widening of the interdisciplinary approach by including in it the theoretical developments of humanities. This will initiate a shift towards the formation of the complex trust including all types of knowledge which would provide more beneficial opportunities for adequate risk perception than the initial models introduced by U. Beck.

Keywords:

trust; risks; global risks; scientific knowledge; risk perception; reflexive modernity; interdisciplinarity.

References

- Alle M. (1994). Povedenie ratsional'nogo cheloveka v usloviakh riska [Rational Human Behaviour under Conditions of Risk]. *Al'manakh THESIS*. No. 5. P. 230–233.
- Beck U. (1995). *Ecological Politics in an Age of Risk*. Cambridge: Polity Press. 224 p.
- Beck U. (2000). *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society. On the Path to the Other Modernity]. M.: Progress–Traditsiia. 383 p.
- Beck U. (2001). *Chto takoe globalizatsiia?* [What is Globalization?]. M.: Progress–Traditsiia, 2001. 304 s.
- Beck U. (2007a). *Cosmopolitan Version*. Cambridge: Polity Press. 216 p.
- Beck U. (2007b). *Power in the Global Age*. Cambridge: Polity Press. 352 p.
- Beck U. (2010a). *Re-mapping Inequality and Power in the Age of Climate Change: The Emergence of 'Cosmopolitan' Risk Communities. Lecture at the ISA Congress of Sociology, 11–17 July, Gothenburg, Sweden*.
- Beck U. (2010b). *World at Risk*. Cambridge: Polity Press. 240 p.
- Douglas M. (1982). *Essays in the Sociology of Perception*. London: Routledge and Kegan Paul. 248 p.
- Douglas M. (1992). *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*. London: Routledge. 336 p.
- Douglas M. (1994). Risk kak sudebnyi mekhanizm [Risk as a Judicial Mechanism]. *Al'manakh THESIS*. No. 5. P. 242–253.
- Douglas M., Wildavsky A.B. (1982). *Risk and Culture: an Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley, CA: University of California Press. 224 p.
- Giddens E. (2004). *Uskol'zaiushchii mir: kak globalizatsiia meniaet nashu zhizn'* [Runaway World. How Globalisation is Reshaping Our Lives]. M.: Ves' Mir. 120 p.
- Kravchenko S.A. (2011). Sotsiologiya v dvizhenii k vzaimodeistviu teoretiko–metodologicheskikh podkhodov [Sociology in the Movement towards Interaction of Theoretical and Methodological Approaches]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, No. 1. P. 11–18.
- Kravchenko S.A. (2016). *Sotsiologiya riska i bezopasnosti* [Sociology of Risk and Security]. M.: Iurait. 302 p.
- Merton R. (2000). Nauka i sotsial'nyi poriadok [Science and Social Order]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. Vyp. 2. P. 191–207
- Nait F. (1994). Poniatiia riska i neopredelennosti [The Notions of Risk and Uncertainty]. *Al'manakh THESIS*. No. 5. P. 12–28.
- Stepin V.S. (1987). Nauchnye revoliutsii kak tochki bifurkatsii v razvitii znaniia [Scientific Revolutions as Points of Bifurcation in the Development of Knowledge]. *Nauchnye revoliutsii v dinamike kul'tury*. Minsk. P. 36–76